

чины, в частности брата матери; с другой же стороны, он обвиняет «интерпретаторов» Бахофена, которые «выставляли дело так, будто бахофенов матриархат был эпохой обязательного и притом полного общественного или даже политического господства женщины, «власти» женщины и т. д.» (стр. 173). Невольно хочется спросить, какова же точка зрения самого М. О. Косвена по этому вопросу. Мы взяли здесь лишь один, наиболее характерный пример, но такие же замечания могут быть сделаны и в отношении других сторон проблемы матриархата.

В заключение следует отметить, что рецензируемая книга М. О. Косвена заслуживает всяческого внимания, является весьма ценным вкладом в советскую науку о первобытном обществе и несомненно будет служить необходимым пособием для всякого, занимающегося вопросами первобытной истории. Приходится только пожалеть, что книга не снабжена именным и предметным указателями.

Н. Кисляков

ЛОРД РАГЛАН — ТЕОРЕТИК РЕАКЦИОННОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ¹

В 1947 г. в английском журнале «Folk-lore» был опубликован доклад лорда Раглана, вновь поднимающий на щит реакционную теорию творческого бесплодия трудового народа. Старая, знакомая теория реакционеров разных мастей и толков! В различных вариациях она проявлялась уже в начале XIX в. и к концу его расцвела на основе позитивистской методологии. Ее тесная связь с компаративистикой совершенно очевидна. Вс. Ф. Миллер в первый период своей научной деятельности, будучи убежденным сторонником так называемой теории заимствования, в книге 1892 г. «Экспурсы в область русского народного эпоса» прямо заявил о создании былин господствующими классами, — на долю же народа он отнес забвение и искажение художественных эпических песен. На этой основе позднее выросла вся концепция его школы (так называемой «исторической»), утверждавшей аристократическое происхождение исторического эпоса и шире — фольклора в целом (ср. работы С. К. Шамбинаго, В. А. Келтуяла, акад. Владимирцова и др.). Философские основы этой «теории» достаточно ясны. Предельно четко они выражены в статьях Фр. Ницше, посвященных греческому эпосу. Теория создания фольклора господствующими классами по существу сводила на-нет творчество народа, вычеркивала народ из истории культуры; тезис — народы подбирают и перепевают бродячие сюжеты — видоизменился в положение: народ питается тем, что к нему «спускается» (с большим опозданием!) «из образованных кругов общества». Буржуазные ученые в период становления империализма изобразили народ дикой, тупой, не способной к созидательной деятельности массой, карикатурно перенимающей «моду» вне зависимости от ее национальных чертаний и только тогда, когда она уже выходит из употребления в среде господствующих классов. Так, Джон Мейер писал о том, что народ только подхватывает и перепевает произведения «образованных и культурных кругов общества» или профессионалов, выполняющих «социальный заказ» феодальной аристократии и буржуазии, как только они выходят из моды в создавшей их среде. Подобные же нелюбости провозглашались и некоторыми другими представителями «науки» утверждавшегося империализма. Взгляды на народное искусство, на материальную и духовную культуру народа находились в полном соответствии с теорией и практикой империалистических хищников. Теория сниженной культуры зачеркивает национальное творчество народов и выдвигает основой основ «творчество» господствовавших классов — ныне реакционной буржуазии.

Подлинная сущность теории сниженной культуры раскрылась в книгах Ганса Наумана. В Германии накануне прихода Гитлера к власти Науман проповедывал реакционные идеи снижения культуры и обесценивания ее в среде трудового народа. Это именно он писал о народе, питающемся объедками, упавшими с барского стола; это он с захватом фашистами власти в Германии посвятил свой очередной «труд» Гитлеру.

Советская наука и общественность еще в 1936 г. вскрыли смысл и значение этой реакционной теории, нашедшей в буржуазной науке Запада наиболее четкое выражение, дали ей политическую оценку. В ряде статей центрального органа ВКП(б) газеты «Правда», в статьях научных и научно-популярных журналов была со всей очевидностью установлена обрисовывавшаяся в 30-х г. связь теории Наумана с политикой германского фашизма, фальсификация им и его сподвижниками народного творчества.

И вот теперь, так же как накануне Великой отечественной войны в Германии 30-х гг., в Англии с трибуны научного общества звучит та же теория. Лорд Раглан как бы повторяет Наумана. В своем докладе лорд Раглан напомнил слушателям, что в 1934 г. Люис прочитал в фольклорном обществе статью «Участие народа в созда-

¹ Raglan Lord. The Origin of Folk-Culture. Presidential Adress delivered before the Society on the Annual Meeting of March 5-th 1947, «Folk-Lore», vol. LVIII, June, 1947.

нии фольклора» («The Part of the Folk in the Making of Folklore»). Люис доказывал, что народ не принимал никакого участия в творческой работе, в создании фольклора. Раглан подчеркивает, что в настоящее время этот вывод ему представляется «вполне обоснованным», и считает необходимым в данный момент опровергнуть предрассудок (superstition) о том, что народ был создателем фольклора. На эти опровержения ученого лорда вдохновила книга его французского коллеги проф. Альберта Дозá (Albert Dauzat) «Деревня и крестьянин Франции» («Le village et le paysan de France»). В исследователе Дозá Раглан видит своего союзника — Дозá, как и Люис, утверждает, что большая часть элементов крестьянской культуры принесена в деревню из Парижа и провинциальных городов (повидимому, тоже в результате западывающей из-за некультурности деревни «парижской моды»). Характеризуя типы построек, распространенные в различных провинциях Франции, Дозá в своей книге заявляет, что строительные материалы и типы построек не зависят от тех или иных географических и экономических условий, а обусловлены влиянием городской цивилизации.

Полностью одобряя взгляды проф. Альберта Дозá, лорд Раглан весьма недоброжелен другим исследователем-французом — Сесилем Шарп (Cecil Sharp). Сесиль Шарп утверждает тезис об оригинальности народных мелодий. В докладе, прочитанном на заседании Фольклорного общества (Folk-Lore Society) в 1908 г., Шарп изложил две теории народного песенного творчества. Первая из них отрицает своеобразие народной песни и доказывает, что она не народна по своему происхождению, вторая подчеркивает своеобразие двух видов музыкального искусства и признает безусловную оригинальность народной музыки. Шарп стоит на позициях второй теории и близок по своим взглядам к английскому фольклористу Dupleley Hussey, который считает, что народные мелодии являются спонтанным выражением музыкального чувства народа. Лорд Раглан, излагая взгляды Dupleley Hussey и Сесилия Шарпа, возмущается тем, что опровергаемое им утверждение о создании произведений искусства народом поддерживается некоторыми музыковедами. Раглан для подкрепления и обоснования своего возмущения «невежеством» исследователей обращается за помощью к тому же Дозá и сообщает, что Дозá выводил большую часть песен из Парижа. От себя Раглан добавляет, что иначе и быть не может, — ведь городские английские песни, «Girregary», «Roll out the Barrel» популярны в крестьянской среде; это, по его мнению, доказывает, что песни, популярные в верхушке феодального общества, при дворе, спустились оттуда в деревню.

Аналогично лорд Раглан расправляется и с народными танцами. Раглан считает общепризнанным, что танцы, которые в настоящее время носят название народных, исполнялись в прошлом в придворной среде. Предполагать, говорит Раглан, что умелые танцоры могли учиться новым движениям у «деревенщины» (yokel), так же абсурдно, как предполагать, что профессора могут обращаться к ученикам четвертого класса за новыми идеями для своих книг.

В том же духе лорд Раглан высказался в этом докладе на ученом заседании в Англии в 1947 г. о народных пословицах, народной одежде, народной медицине. Во всем звучала «старая погудка на новый лад».

Считая порочной даже постановку вопроса о народности и коллективности творчества, Раглан заявил, что попытка некоторых ученых представить народную культуру, народное искусство в их своеобразии, а не отражением культуры господствующих классов, является «ненаучным», «субъективным» предположением отдельных фольклористов. По его концепции, центрами средневековой деревни были помещичий дом и церковь; музыканты, певцы, актеры помещиков, церковные певцы были проводниками художественной культуры, переносили ее в деревню. Не было и не могло быть самостоятельного крестьянского искусства! — патетически твердит титулованный «ученый муж». Его, заявляет он, не могло быть потому, что хорошее, полноценное искусство всегда является результатом усиленной работы, — народ же к этому, по мнению Раглана, не способен.

До подобного низиума утверждений можно было докатиться только ненавистью, боясь и презирая трудовой народ. Такое отношение к своему народу и к народу других стран характерно для лорда Раглана — типичного представителя реакционной англо-американской буржуазии.

В. Чичеров, Н. Эмиш

НАРОДЫ СССР

Б. А. Рыбаков, *Ремесло древней Руси*, Изд-во АН СССР, 1948, 732 стр.

Развитие ремесла в древней Руси до недавнего времени было изучено нашей исторической наукой лишь в небольшой степени. Единственная, специально посвященная этой важной проблеме монография — книга Н. Аристовой «Промышленность древней Руси» — вышла почти сто лет назад, в 1866 г. Нужно ли говорить, что она давно и безнадежно устарела как по своей методологии, так и по характеру фак-